

Юн Цзинь шевельнул губами, но Чжоу Цзюнь прижал к нему большой палец. Ощущая под пальцем влагу, он видел, как замешательство на лице Чжоу Цзюня постепенно рассеялось, сменяясь спокойствием. Его голос был тихим, а слова звучали капризно и почти фантастически:

— Давай поспим только один раз, а на рассвете попрощаемся.

Он думал наивно и романтично, надеясь, что их отношения с Юн Цзинем ограничатся одной ночью. Однако, услышав это, Юн Цзинь постепенно прищурился, и на его лице проступила ярость. Чжоу Цзюнь почувствовал, как рука, лежащая на его талии, сжалась с такой силой, что ему стало больно. Молодой господин Чжоу опустил веки, постанывая от боли, и попытался убрать руку с своей талии.

Но в следующую секунду его подхватили и перекинули через плечо. Его живот и талия уперлись в твердое плечо Юн Цзиня. Чжоу Цзюнь был ошеломлен, его охватило сильное чувство стыда. Он был мужчиной, и то, что его так легко, словно куклу, унесли в руках, было позорно. Лицо молодого господина Чжоу покраснело от прилива крови; когда его бросили на кровать, в голове царил полный хаос.

Юн Цзинь стоял перед кроватью, не спеша расстегивая пуговицы и снимая одежду, обнажая мускулистый торс. Только сейчас стало заметно, что на его теле множество шрамов, некоторые — сквозные. Уродливые рубцы вились по коже, которые в обычное время одежда тщательно скрывала, и не было видно ни единого следа. Чжоу Цзюнь сел на кровати, не отрывая взгляда от этих шрамов, и даже не расслышал, что говорил Юн Цзинь. Только спустя долгое время он растерянно поднял лицо:

— А? Что ты только что сказал?

Юн Цзинь наклонился, сжал подбородок Чжоу Цзюня пальцами, улыбаясь, но с холодным взглядом:

— Господин Чжоу, у вас действительно есть сила духа, вызывающая восхищение.

Чжоу Цзюнь опешил, совершенно не понимая, в чем заключается его сила духа. Юн Цзинь приблизился еще ближе, и его голос стал еще ниже:

— Но, к сожалению, между нами последнее слово всегда не за тобой.

Чжоу Цзюнь слегка расширил глаза. Он, казалось, совершенно не понимал, почему Юн Цзинь, который ранее так нежно говорил, что он пахнет приятно и готов умереть за него, теперь, хоть и говорил вежливо, но с холодным тоном, который колот как ледяные осколки. Юн Цзинь отпустил его, не снял обувь, а просто сел на край кровати.

Глядя на все еще ошеломленного Чжоу Цзюня, Юн Цзинь поднял одну бровь:

— Подойди.

Чжоу Цзюнь плотно сжал губы, сидя на кровати и прямо глядя на Юн Цзиня. Только когда тот повторил приказ, он медленно слез с кровати и подошел к Юн Цзиню. Его одежда была порвана, он был бос и выглядел совершенно растерянным.

Как ребенок, не знающий, что он сделал не так, с невинным выражением лица, вызывающим жалость. Однако в комнате был только Юн Цзинь, и этот мужчина не испытывал к нему

жалости, а приказал ему встать на колени. Лицо Чжоу Цзюня окаменело, руки медленно сжались в кулаки. Юн Цзинь, опираясь на кровать, с вызовом произнес:

— Не хочешь?

Чжоу Цзюнь медленно опустился на колени перед Юн Цзинем. Ему стало больно в глазах и на душе. Его губы дрожали, лицо выражало обиду. Но Юн Цзинь, словно не замечая этого, положил руку на затылок Чжоу Цзюня и медленно прижал его к своему паху.

Он велел ему открыть рот, расслабить язык и хорошо держать. Когда он кончит, он уйдет. И это не из-за Чжоу Яня. В тот момент Чжоу Цзюнь чувствовал, как его рот заполнил мужской орган; он никогда не делал ничего подобного. Мягкое горло рефлекторно сжималось от вторжения, а в глазах накопилось множество слез. Он чувствовал, как рука Юн Цзиня на его затылке сжималась все сильнее, с нескрываемой яростью.

Он тоже злился, хотел укунить Юн Цзиня так, чтобы пошла кровь. Он думал, что больше никогда не хочет видеть этого человека и, если придется, уедет за границу. В порыве эмоций в голову приходили разные мысли, полные гнева и обиды. Он услышал, как Юн Цзинь, тяжело дыша, сказал:

— Сначала это ты начал. Год назад на банкете, это ты начал.

К концу фразы его голос звучал почти сквозь стиснутые зубы.

Чжоу Цзюнь был обижен и смущен, его глаза покраснели, и он поднял взгляд. Он, с растрепанной одеждой, стоял на коленях перед Юн Цзинем, словно совершенно не понимая, о чем тот говорит. Он действительно не помнил этого, и Юн Цзинь знал. Хотя он давно знал об этом, не мог сдержать злобу, которая поднималась в сердце, подобно тому моменту, когда он впервые узнал этого человека и осознал, кто он такой на самом деле.

Юн Цзинь участвовал в том банкете исключительно из уважения к другу. Он не любил многолюдные места, но положение обязывало: все эти годы он привык находиться среди людей, но по-прежнему предпочитал тишину. Он был разборчив и редко на банкетах выбирал кого-то и уводил с собой. В выборе любовников он был высокомерен; хотя и вращался в высшем свете, мало кто мог привлечь его внимание.

Он не был лишен желаний, но и не шел на компромиссы в отношении себя. Даже встречая кого-то, кто приходился по вкусу, Юн Цзинь оставался холодным. Если партнер выдерживал его холодность, он хорошо к нему относился; если нет — Юн Цзинь не злился. В конечном счете он не испытывал собственнических чувств к своим любовникам, и, даже зная об изменах некоторых из них, не делал ничего плохого, а лишь давал щедрое пособие при расставании и отправлял их прочь.

На самом деле он был весьма щедрым и внимательным любовником, но не признавал себя чьим-то возлюбленным. Быть возлюбленным требовало слишком многого, а Юн Цзинь не хотел тратить на это силы. В реальности на него уходило слишком много душевных сил; люди высокого положения больше всего боялись поступать эмоционально. Он держал в руках слабости многих людей и еще лучше понимал смертельную опасность таких чувств.

Встреча с Чжоу Цзюнем была случайностью, и эта случайность принесла еще одну неожиданность, к которой он был не готов. Он не любил банкеты и, хотя хотел уйти, должен был обсудить кое-что с другом. Поэтому он вышел из зала и стал ждать в машине. Юн Цзинь сидел на заднем сиденье, молча курия; окно было приоткрыто. Он выпил немного алкоголя, и

сознание его было немного расслаблено и утомлено. Как раз он расстегнул галстук, чтобы подышать, как с другой стороны открылась дверь и кто-то сел в машину.

Тот человек был пьян вусмерть, одет в темно-красный костюм. Пьяный смутно чувствовал, что что-то холодное прижалось к его виску, и, хихикая, пробормотал, чтобы не шутили. Юн Цзинь при свете уличных фонарей разглядел человека в машине; лицо показалось знакомым, как будто он видел его на банкете. Однако он ни на секунду не расслабился: желающих его смерти было много.

Сяо Чэнь, сидевший впереди, обернулся и тихо сказал:

— Простите, генерал-майор, я думал...

Генерал-майор не уточнил, кого он ждет, и Сяо Чэнь подумал, что пришедший — это тот, кого ждал генерал, поэтому не вышел, чтобы остановить незнакомца. Так машина генерал-майора Юна была легко занята посторонним. К тому же этот незнакомец был нахален, называя имя какой-то девушки, и совершенно не обращал внимания на пистолет, прижатый к его виску, который в любой момент мог лишить его жизни; более того, он даже положил руку на талию генерал-майора Юна.

Мало того, он сунул руку в карман пиджака. В этот момент даже у Сяо Чэня дернулся палец на спусковом крючке; атмосфера в машине стала напряженной, все было на грани взрыва. Но этот человек достал зажигалку. Серебряная зажигалка с головой льва ловко крутилась в его пальцах.

Щелчок — зажигалка загорелась, взвилось пламя. Юн Цзинь при появлении этого света слегка сузил зрачки. Его сердце, которое редко билось чаще обычного, теперь забило сильнее; он пристально вглядывался в этого человека. Возможно, из-за чувства опасности или из-за раздражения, что его так близко коснулся незнакомец. Все это были неприятные эмоции, но в такой нелепой ситуации он увидел лицо, освещенное пламенем.

Узкие глаза, серо-голубые зрачки, губы более красные, чем щеки. Яркость, зажженная в темноте, ветер колыхал огонь. Это было лицо мужчины — эта мысль промелькнула у Юн Цзиня в голове, — лицо с красивыми глазами.

Юн Цзинь услышал, как этот человек глухо рассмеялся:

— Настоящая красавица.

Прежде чем он успел отреагировать, человек, казалось, наконец заметил, что к его голове приставлен пистолет, и с легкой небрежностью вздохнул:

— Если ты не выстрелишь, я сделаю то, что тебе не понравится.

Юн Цзинь медленно нахмурился: он никогда не интересовался мужчинами, и ни один мужчина не смел так с ним обращаться.

И тут этот человек, словно продолжая флиртовать, произнес:

— Умереть под пионом — и призраком остаться повесой,

— и поцеловал Юн Цзиня. Юн Цзинь весь застыл; он никогда не целовался из-за своего характера и брезгливости, не говоря уже о том, что никто не смел целовать его силой. Не

думал, что впервые в жизни его поцелуют, и что это произойдет в этой машине, с мужчиной.

<http://bllate.org/book/16825/1547277>